

Григорий
БРЕЙТМАН

Преступный мир

Очерки из мира
профессиональных
преступников

МОСКВА

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ГРИГОРИЙ
БРЕЙТМАН

Преступный мир

Очерки из мира
профессиональных
преступников

МОСКВА

УДК 821.161.1-4:343
ББК 84(2Рос=Рус)6+67.5
Б87

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Брейтман, Григорий Наумович.

Б87 Преступный мир : очерки из мира профессиональных преступников / Григорий Брейтман. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-215952-7

Книга детально исследует методы работы профессиональных преступников: от карманников («марвихеров») и взломщиков («скакарей») до мошенников и конокрадов. Автор раскрывает воровские «профессии», их жаргон, техники и даже своеобразную «этику». Особое внимание уделено легендарным фигурам, таким как Сонька Золотая Ручка, чьи аферы вошли в криминальный фольклор.

Григорий Наумович Брейтман (1873–1949) — писатель и журналист, публиковавшийся под псевдонимом Гр. Неволин. Был издателем и редактором киевской газеты «Последние новости». Проявлял живой интерес к уголовной тематике: изучал преступный мир, воровской жаргон, блатную музыку и писал криминальные рассказы. В 1919 году эмигрировал в Германию, где с 1921 по 1924 год редактировал берлинскую газету «Время». С 1925 года жил в США: работал в нью-йоркской газете «Русский голос», а с 1930 года был редактором чикагской газеты «Рассвет».

УДК 821.161.1-4:343
ББК 84(2Рос=Рус)6+67.5

ISBN 978-5-04-215952-7

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

I

«МАРВИХЕРЫ»

Цель моего скромного труда — познакомить читателей с бытом профессиональных преступников, составляющих отдельный темный мир, где не признается чужая собственность, не щадится чужая жизнь, где царят свои особые взгляды на нравственность и долг, существуют свои традиции и обычаи. Все преступления, о которых нам приходится слышать, по большей части явления неслучайные: это проявление преступного мира, в котором встречаются и пользуются одинаковыми правами и потомок титулованной особы, и крестьянин от сохи.

Этот мир имеет свою особую, но довольно стройную организацию; у каждого преступника своя специальность, у каждой категории преступников свой особый прием для совершения краж. Каждая такая категория преступников носит характер, если можно так выразиться, отдельного сословия в преступном мире. В редких исключениях члены этих преступных обществ выходят за пределы своей специальности, воровского ремесла, редко принимаются за другие преступления. Каждый из воров держится своей корпорации, отличающей ее от других, как я уже упоминал, по характеру, спо-

собу и приему совершаемых преступлений, которым они в точном смысле этого слова посвящают свою жизнь.

Я займусь отдельно каждой из этих категорий, постараюсь выяснить тайны их позорного ремесла, познакомить читателей с их специальным жаргоном, очень характерным и разнообразным, и приведу несколько фактов, характеризующих как самих преступников, так и их профессию. Сначала я познакомлю читателей с теми классами преступников, которые по численности превышают все остальные классы и в то же время приносят более всего вреда обществу, а именно — с воровскими обществами. У нас вообще установился такой взгляд, что преступники лишь тогда составляют воровское общество, когда они по несколько человек попадают на одном и том же преступлении; в противном случае каждый задерживаемый за преступление профессиональный преступник рассматривается как отдельный порочный субъект, не имеющий нравственной связи с другими подобными ему ворами, несмотря на то что этот преступник уличен в рецидиве. В этом обстоятельстве, по всей вероятности, и кроется причина отсутствия каких-либо благоприятных результатов в строгой борьбе закона с профессиональными преступниками. Между тем вся сила профессиональных преступников и заключается в их сплоченности, в имеющейся в наличности правильной организации, изобилующей основными традициями, установленными временем и практикой. Относительно борьбы с преступниками я, впрочем, поговорю впоследствии, теперь же я познакомлю читателей с многочисленным классом карманных воров.

Карманный вор (или карманщик) на специальном воровском жаргоне называется «марвихер». Это название распространяется на всех воров, занимающихся карманными кражами. «Марвихеры», в свою очередь, разделяются на несколько групп, из которых каждая имеет свое отдельное название, судя по характеру производимых ими карманных краж. Как во всякой деятельности, так и в воровской есть крупные работники и мелкие.

Самым интересным карманным воровством является тот, который специально занимается кражами бумажников с более или менее крупными суммами денег. Каждому из нас неоднократно приходилось слышать и читать о кражах бумажников в театрах, банках и других общественных местах. Если бы кто-либо из читателей увидел вора, совершающего подобные кражи, он с трудом поверил бы, что перед ним профессиональный преступник. Такой вор скорее похож на доктора, адвоката, агента страхового общества: у него благообразная наружность, прекрасные манеры; на нем великолепный костюм, всегда от лучшего портного. Понятно, что такой вор, в особенности если он сидит в театре в первом ряду, не возбуждает ничьих подозрений.

В воровском обществе эти воры пользуются большим почетом и уважением. Преступники считают и называют их «аристократами». Эти аристократы воровского мира держатся всегда в стороне от других воров. Большая часть их получила в свое время некоторое воспитание, многие говорят на нескольких иностранных языках, так что они не ограничиваются пределами нашего обширного отечества, а часто отправляются «на гастроли» в населенные центры других государств.

«Марвихеры-аристократы» большей частью евреи, поляки, греки, а русские встречаются между ними сравнительно редко. Имея определенное постоянное жительство в каком-нибудь месте, где живут их семьи, они никогда не воруют в родном городе, а уезжают в другое, более отдаленное место. Делается это вследствие того, что полиция в местах жительства таких карманных воров хорошо осведомлена о профессии таких господ, и потому она могла бы тревожить их, если бы они в своих родных местах совершали кражи и этим задавали бы полиции лишнюю работу. Собираясь «райзен», т. е. путешествовать, вор намечает себе известный район и, пускаясь в путь, непременно берет с собой товарища, который служит ему помощником. Такой помощник на воровском жаргоне называется «фартицером», или «затырщиком», сам же вор именуется «торговцем», так как у преступников слово «торговать» заменяет слово «воровать».

Воры никогда не остаются подолгу на одном месте: совершив одну или две кражи и заработав изрядный куш, они спешат покинуть город и долго туда не возвращаются. Поэтому если их не удастся задержать во время совершения преступления, то впоследствии поиски полиции редко увенчиваются успехом; разве какая-либо неблагоприятная для вора случайность поможет полиции задержать «марвихера».

Насколько прибыльно занятие таких карманных воров, можно судить по тому, что редкий из них, поработав счастливо несколько лет, не составляет себе изрядного состояния. Я укажу для примера на вора О-го, который платил за квартиру 4000 р., разъезжал на собственных рысаках, а быв-

шая у него на содержании красавица-француженка вызывала у многих порядочных женщин зависть своими нарядами и бриллиантами. О-й был в университете, но ушел с 4-го курса, найдя для себя невыгодным продолжать образование. Ступив на путь преступления, он сразу обнаружил большие способности и зарабатывал карманными кражами такие суммы, каких не могла бы ему дать никакая другая специальность. Он на своем веку сидел во всех тюрьмах крупных городов Европы, где совершались большие кражи. Вообще среди крупных карманных воров есть очень мало людей, не обеспеченных материально.

Профессиональный карманный вор любит свое позорное ремесло и редко бросает свою рискованную, но прибыльную профессию. Долго гремевший на юге России карманный вор, известный под именем Михаила Ильича, составил себе кражами громадное состояние. В городе Н., его постоянном местожительстве, у него было несколько каменных домов и лавок. Семья Михаила Ильича, состоявшая из жены и нескольких взрослых сыновей, которым старик дал приличное образование, знала о позорной профессии отца; дети употребляли все усилия, чтобы заставить его бросить воровство, но все было напрасно. Никакие просьбы и убеждения не помогали. Старик, за которым зорко следили, при первом удобном случае уезжал из Н. со своей старушкой-женой, которая была у него «затырщицей», и отправлялся с ней путешествовать для совершения краж. Он много раз сидел в тюрьме, его неоднократно жестоко били потерпевшие — но отдохнет Михаил Ильич, поправится и опять отправляется «райзен».

В числе карманных воров бывают также и женщины, которые в искусстве вытаскивать из карманов бумажники ничуть не уступают сильному полу. Такая «марвихерша», часто красивая молодая женщина, еще ловчее и опаснее мужчины. Если она и попадает в краже, то почти всегда ускользает из рук полиции. Пускаемые ею в ход истерика, обморок, клятвы невольно заставляют всякого потерпевшего мужчину не доверять самому себе и отказываться от обвинения. Хорошо, если тут случается сыщик — тогда воровке не уйти из рук правосудия, так как агент хорошо знаком с воровскими уловками.

Очень интересна судьба долго гремевшей на севере России дерзкой карманной воровки, известной под именем Анютка-ведьма. Красивая молодая девушка, она после целого ряда воровских подвигов угодила на несколько лет в ссылку. Возвратившись из Сибири, она успела понравиться одному очень богатому офицеру, который, не будучи в состоянии покорить красавицу, женился на ней, зная о ее прошлом. Двадцать лет прожила Анютка со своим мужем. Полиция за это время уже успела забыть о воровке, как вдруг в одном из столичных театров в течение четырех дней было совершено несколько краж и, наконец, в один вечер четыре кражи. Сыщики были в отчаянии, они употребили все усилия, чтобы обнаружить дерзкого вора, пока один из них не обратил внимания на пожилую даму, сновавшую между публикой. Манеры дамы показались агенту подозрительными; он принялся неотступно следить за ней. Сыщик не ошибся в своем подозрении: перед разъездом он увидел, что дама запустила руку в карман одного

господина. Обрадованный сыщик мигом схватил руку воровки и задержал ее в кармане. Господин, в свою очередь, набросился на сыщика и крикнул: «Вы забрались ко мне в карман!» — «Извините, сударь, — ответил сыщик, — прошу посмотреть на мои руки». Присмотревшись, господин увидел, что рука сыщика поверх его платья сжимала находившуюся в его кармане руку прилично одетой дамы, которая делала напрасные усилия освободить свою кисть. «О! Сударыня!» — мог только воскликнуть изумленный господин.

Собралась толпа, перед которой дама начала протестовать и громко назвала свою фамилию. Все смутились, не исключая и сыщика. Муж дамы был в свое время известен многим, и трудно было предположить, чтобы такая богатая женщина, занимающая почетное положение в обществе, пустилась на подобные проделки. Струсившему сыщику было, однако, уже поздно отступать, и он пригласил взволнованную даму в контору, где, обыскав ее в присутствии свидетелей, нашел в карманах несколько бумажников с крупными суммами денег, хозяева которых оказались тут же среди публики. По собранным справкам оказалось, что задержанная воровка — не кто иная, как гремевшая в свое время Анютка-ведьма, принявшаяся после смерти мужа за старое ремесло.

Вышеописанный случай задержания «марвихера» во время процесса кражи очень редок, почти единственный в своем роде. В большинстве же случаев удается захватить вора только после совершения кражи, когда потерпевший, заметив исчезновение бумажника, задерживает не успевшего отойти от него преступника. Дело в том, что кар-

манный вор во время работы так осторожен, что только человек, специально следивший за ним и стоявший близ него, может задержать преступника. Приезжая в какой-нибудь город для «торговли», торговец и «фартицер» садятся, например, в театре и, наблюдая за публикой, выбирают себе подходящую жертву. Жертва эта должна непременно иметь вид барина, у другого «аристократ» не будет воровать, и такая жертва носит у вора кличку «прыц». В антракте помощник вора следит за таким «прыщем», чтобы узнать, есть ли у него такая сумма денег, чтобы стоило из-за нее красть бумажник, который называется у воров «кожа» или «тувиль», смотря по национальности преступника. Узнать это очень легко в то время, когда выбранная жертва расплачивается у буфета или у кассы. Помощник, заглянув в бумажник, сразу и почти всегда безошибочно определяет, сколько там приблизительно «косух» или «кать», т. е. тысяч или сотен рублей. Получив удовлетворительные сведения, он отправляется к ожидающему его вору и сообщает ему, что есть «тох», т. е. случай, смысл воровать, так как «кожа с бабками», т. е. бумажник с деньгами. И вот вору, выбрав время, когда жертва окружена толпой, принимаются за работу.

«Торговец» начинает с того, что ловко «распрягает» жертву, т. е. расстегивает пуговицы сюртука или пальто, смотря по обстоятельствам. В правой руке вора в это время находится так называемый «звонок», т. е. широкое, черного цвета шерстяное кашне, без которого вор никогда не будет совершать кражу. Эта необходимая принадлежность вора нужна ему для того, чтобы закрывать кисть руки, так как белизна кожи может привлечь внима-

ние жертвы. Вор во время кражи не спускает глаз с лица своей жертвы, чтобы последняя случайно не обратила внимания на его действия. В таких случаях вор сейчас же поднимает руку и оборачивает кашне вокруг шеи. Помощник вора в это же время занимается тем, что разными способами отвлекает внимание жертвы, толкая ее и т. д., в общем, выражаясь на воровском жаргоне, «тырит» жертву. Если борт сюртучка слишком широк, помощник будто бы нечаянно отворачивает его и бумажник становится виден «торговцу», который тремя пальцами крепко хватается за него. Вор тогда не двигается с места и не делает усилий вытащить бумажник, он только дает тихо короткий сигнал «тыр» или «тыц». Этим он дает знать своему помощнику, что тот должен «оттырить» жертву, и помощник сейчас же производит следующий ловкий маневр. Он делает вид, что пробирается вперед, и, толкая плечом «прыца», поворачивает его. Последний, желая посторониться, неловко отступает в ту сторону, куда его умышленно толкает «затырщик». Благодаря этому жертва сама уходит от своего бумажника, который остается в руке вора под кашне. При этом часто вору имеют при себе в кармане толченую канифоль, которую они берут при совершении кражи на пальцы правой руки для того, чтобы бумажник не выскользнул из руки.

Когда главное окончено, вор об этом дает знать своему соучастнику словом «шестнадцать» и «марвихеры» «отваливают» от обворованной жертвы. Однако такие проделки не всегда кончаются удачно: часто бывает, что не успеет вор «поторговать», как жертва сейчас же заметит кражу. Тогда положение воров очень опасно; обворованный может

их заподозрить и задержать как раз «торговца», у которого окажется бумажник — совершенно нежелательная для него улика. Заметив, что обворованный встревожился, или, по-воровскому, «трокнулся», вору прибегают к следующему, не лишённому остроумия приему. «Торговец» говорит помощнику «стрема», т. е. опасность. Последний сейчас же становится очень близко около жертвы и делает все возможное, чтобы обратить на себя ее внимание и быть заподозренным в краже. В большинстве случаев это удается: «прыц», испуганный исчезновением бумажника, ищет глазами вора и, видя около себя смущенного человека, поднимает крик, «поет», по воровскому выражению, и, задерживая помощника, делает «хай» — слово, означающее заявление. Поднимается суматоха, чем пользуется вор с украденным бумажником и спешит скрыться. Помешать ему никто не может, так как общее внимание отвлечено задержанием его помощника; последний громко протестует, ничего подозрительного при нем не находят и его скоро отпускают.

Кроме «марвихеров», ворующих у «прыца», есть карманные вору, которые воруют уже у «грача». «Грачем» на воровском наречии называется богатый купец, подрядчик и вообще богатый, но простой человек. Такие вору отличаются от «аристократов» тем же, чем «прыц» разнится от «грача». Это по наружности уже не джентльмены, а напоминают доверенных приказчиков, артельщиков или средней руки купцов. Такие вору происходят всегда из русских. Процесс вытаскивания бумажников у них тот же, как у «аристократов», только бумажник с деньгами и документами у них назы-

вается не «кожа», а «лопатник». Если им случается украсть бумажник без документов, а только с деньгами, то о такой краже они говорят «поторговали гольем». Вообще жаргон их состоит больше из русских слов, в противоположность «аристократам», у которых преобладают еврейские выражения.

Воров этих двух разрядов разделяют также по названиям их жертв, т. е. первых называют «прыцами», а вторых «грачами». Вышеописанные «марвихеры» страшно боятся заключения в тюрьме. Да это и вполне понятно. Там они лишены всех тех удобств, которыми привыкли пользоваться, находясь на свободе. Поэтому, если «марвихеру» случается «сгореть», или, выражаясь иначе, «засыпаться» или «зашухероваться», он ничего не пожалеет, чтобы только избавиться от наказания. Его приводит в ужас одна мысль, что ему придется известное время находиться среди убийц, мошенников, грабителей или мелких воришек, которых он от души презирает. Он считает себя выше и благороднее этого сброда как по воспитанию, так и специальности. Для примера укажу на следующий факт.

В одном приморском городе у пристани остановился проходивший мимо пароход для высадки нескольких пассажиров. В числе последних находились два карманных вора, которые в то время, когда публика толпилась у борта, успели похитить у одного богатого помещика бумажник с 30 000 руб. Воры, по обыкновению, хотели «отвалить» в надежде, что обворованный ими господин будет продолжать путь на пароходе. Но каково же было их удивление, когда с ними в одну шлюпку сошел и обворованный помещик. На пути к берегу помещик обнаружил пропажу и поднял

тревогу, заявив, что его обокрали в шлюпке, так как на пароходе бумажник находился еще у него. Положение воров было далеко не из приятных: «штымш» (т. е. «прыц», начавший «петь») поднял «шухер», требовал, чтобы обыскали всех сидевших в шлюпке. Требование это было исполнено, но уворованного бумажника ни у кого не оказалось, и бедному помещику пришлось чуть ли не со слезами извиняться перед своими путниками, в том числе и перед обворовавшими его «марвихерами». Впоследствии уже один из воров сознался своим товарищам, что, когда начался «шухер», он выбросил бумажник, в котором было целое состояние, в воду.

К вышеописанным преступникам следует причислить еще один разряд «марвихеров»; тогда читатель ознакомится с ремеслом главных карманных воров, составляющих отдельное самостоятельное общество в воровском мире. Я говорю о ворах, совершающих кражу в вагонах железной дороги у богатых пассажиров. Эти «марвихеры» называются «мойщиками» или «вешерами».

II «Мойщики»

Организация преступного мира настолько совершенна, что вряд ли существует верный способ для ограждения имущества и частной собственности от дерзких покушений.

Если профессиональный преступник захочет посягнуть на вашу движимость, его ничто не остановит. Против всякой предохранительной меры у преступника есть всегда наготове контрмера, и если преступление иногда не удастся, то не в силу принятых жертвой мер, а исключительно вследствие неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

Познакомив читателей с карманными ворами высшей пробы, действующими в городах, я теперь перейду к родственному последнему типу «марвихеров», функционирующих в вагонах железных дорог. Как я уже упоминал, эти воры, похищающие ценности у богатых пассажиров, называются в воровском мире «мойщиками» или «вешерами»: они уже не «торгуют» у жертв, а «моют» их.

У «мойщиков» жертвы не разделяются на «прыцев» и «грачей»; им все равно, к какому обществу принадлежат пассажиры, — им нужно только, чтобы он был богат и имел «бабки». Такой пассажир носит

оригинальное название «фрайера», которое принято и в других преступных обществах, подразумевая жертву. Кому не известны случаи карманных краж в поездах? Большой частью жертва, делая заявление о краже, объясняет, что против нее сидел какой-то прилично одетый господин, в котором нельзя было заподозрить вора. Последний, беседуя с потерпевшим, угощает его ароматической сигаретой или отличным вином из фляжки, после чего пассажир крепко засыпает. Проснувшись, он находит карман разрезанным или платье расстегнутым; бумажника же с деньгами и спутника потерпевшего не оказывается; последний, похитив деньги, вышел на первой станции. Железнодорожная полиция ввиду таких обстоятельств сейчас же догадывается, что вор, перед тем как совершить кражу, усыпил свою жертву и этот снотворный состав находился или в сигарете, или в вине, которыми вор так любезно угощал потерпевшего. А иной потерпевший, разбирая поведение вора, припоминает, что тот долго махал перед собой платком с сильным запахом духов, и решает, что платок был пропитан хлороформом, не подумав о том, что от хлороформа должен был бы уснуть сам злоумышленник. Между тем дело здесь совсем не в хлороформе и не в опиуме — все это не более как фантазия потерпевших пассажиров, которые не в состоянии догадаться, каким образом они могли так крепко уснуть, что не слышали прикосновения преступника. Профессиональный железнодорожный вор никогда, ни в каком случае не действует снотворными средствами. Это ему совершенно не нужно. Всякий преступник прежде всего знает свою жертву и изучает ее с необходимой ему стороны; он принимает в соображение наклонности

и психическое состояние человека. А для этого, право, немного нужно; люди по своему поведению в обычной житейской обстановке так похожи друг на друга, что для вора, например, не будет ошибкой рассчитывать на то, что в театре его жертва находится под впечатлением виденного на сцене или глазает по сторонам, осматривая дам и знакомых, или же наконец старается получить поскорее свое верхнее платье. Трудно допустить, чтобы в такую минуту посетителю театра пришла в голову мысль о том, что здесь, среди толпы, в присутствии полиции, при полном освещении за ним следит человек, готовый вытащить из наглухо застегнутого сюртука бумажник с деньгами. Вор вполне прав, рассчитывая на человеческую натуру, которая является главной помощницей его при совершении кражи.

«Мойщик» с помощником, наметив «фрайера» на какой-нибудь станции, входят за ним в вагон, причем «мойщик» садится где-нибудь поодаль или даже в другом вагоне, а помощник его помещается против жертвы. Наружный вид вора не внушает сомнений в его порядочности; одет он прилично, по-дорожному; бриллиантовые перстни, часы и т. д. заставляют предполагать в нем человека состоятельного, путешествующего по торговым делам. Всякому известно, как путешествие по железным дорогам располагает к знакомствам. Завязывается беседа, и для «мойщиков» начинается предварительная работа к совершению кражи.

Дело в том, что как для «марвихеров» первой категории предварительная «работа» заключается в «распряжке» и «тырени» жертвы, так у «мойщиков» она заключается в «мучении» ее, состоящем в следующем. Между помощником и «фрайером»